

Андрей Канадис

Свободны

Пролог

Пластиковый стаканчик жег пальцы, но в сочетании с мокрым, падающим комками снегом, это было даже приятно. Прислонившись к кофейному автомату, Вася прихлебывал черную безвкусную жидкость и всматривался в заснеженный день, ожидая дилера. Сейчас этот человек был нужен ему как никто другой, и Василий мял в кармане коробку папирос «Ялта», уже чувствуя сладковатый запах травы. Папиросы были куплены в одноименном городе еще вчера, а сегодня Вася уже наблюдал просыпающийся после новогоднего марафона Киев, с ярко читаемым в лицах прохожих похмельным синдромом.

«Хорошо, что съездил. Так ведь и думал: не поеду, – и все останется по-прежнему...», - думал Василий, пока в его зимнее море не плюхнулся телефонный звонок.

- Да?

Холодный кафель выглядит грустно, в недостроенном переходе метро гуляет ветер, задувая редкие снежинки. Папироса выкурена до половины, мир приобрел привычную плотность, и натянутые в струны нервы уже не звенят на холодном ветру, а глухо шлепают о стены перехода. Там наверху, в мерцающем свете фонаря танцевал снег, заигрывая с замерзшими деревьями и редкими прохожими. Стена перехода превратилась в театр теней, сюжет был хаотичен, но смотреть было приятно.

Думать не хотелось. Разглядывая настенную проекцию, Василий пришел к выводу, что изображение вполне соответствует его нынешнему состоянию. И пока его взбудораженный ум пытался хоть как-то исправить дело, подсказывая разумные решения, Вася раз за разом прокручивал в голове плотно засевшую строчку: «Как из такой животной страсти, могло возникнуть такое светлое, высокое чувство?». Он никак не мог разобраться, что же именно его так раздражает – сам факт описанной трансформации или пошлый пафос формулировки.

Неожиданно его внимание привлекла неподвижная темная полоска, замершая среди беснующихся на стене теней. Сделав несколько глубоких затяжек, он отбросил обожженную гильзу, и уставился на этот островок, за который упрямо цеплялось его сознание. Он долго пытался угадать, что же могло оставаться недвижимым на колючем январском ветру. Странно, но эта маленькая вертикальная полоска казалась сильнее всех мировых законов *приводящих пейзажи в движение*. Заинтригованный Вася направился к выходу, благо снегопад, казалось, несколько поутих.

Оказавшись снаружи, он сразу же определил виновный в светопреставлении фонарь. Вася внимательно осмотрел ближайшие деревья и автомобиль, угадывающийся в сугробе неправильной формы, но так ничего и не обнаружил.

Потратив еще несколько минут на поиски, он, наконец, наткнулся взглядом на антенну, торчавшую из занесенного снегом автомобиля. На самом конце тонкого стального прута застыла промерзшая оранжевая ленточка, символизирующая, как было понятно, политические взгляды хозяина. Василий в изумлении взирал на этот трогательный образец политтехнологии, но думал совсем о другом. Сжимая зубы и кулаки, он скорее почувствовал, чем понял, что на этот раз разумного решения не будет. Только не в этот раз.

1

Первое, что выдает месторасположение филиала фабрики грез, - это запах. Сладковатый запах химикалий и мерный механический звук вечно сопровождает фотолабораторию. Несколько усталых людей, трудящихся в ночную смену, без остановки создают иллюзии, называемые фотографиями, которые счастливые аматеры получают утром в красочных конвертах. Круглосуточно фабрика воспроизводит сладостное время отпуска, воскрешает дни рождения и прогулки по историческим достопримечательностям. Василий мог, не задумываясь ни на секунду, безошибочно выделить этот запах из тысячи других.

Вырвавшись из старой дребезжащей маршрутки, он нырнул в стеклянную дверь и автоматически задержал дыхание. Пройдя несколько метров по длинному и угрюмому коридору, он, наконец, остановился и отважился впустить в себя отравленный воздух. Ночная смена уже заняла свои места. К слову сказать, обыватель даже не догадывается о существовании этих людей и уверен, что фотографии растут на деревьях. Но и сам Василий редко задумывался о водителях, официантах, продавцах и прочих почетных тружениках, чьи физиономии запоминаются не лучше, чем лица стоящих на витринах пластиковых манекенов. Но на последних хотя бы смотрят.

- Здорово, Василий! Плохо выглядишь. Не заболел часом? – произнес согнувшийся над странным агрегатом Виталик, длиннющий парень с улыбкой Буратино.

Жмуро кивнув, Вася прошествовал к своему аппарату и не стал отвечать на риторический вопрос. Когда сталкиваешься с коллегами шесть ночей из семи, разговоры о самочувствии приобретают издевательский оттенок. Но приступать к работе не следовало с такими мрачными мыслями, поэтому Василий, как обычно, начал с кофе и первой вечерней сигареты. Эта передышка, как перед марафонским забегом, помогала настроиться на очередную ночь, послушать последние сплетни и попробовать окончательно проснуться от нездорового, перерезанного сумбурными снами, дневного отдыха.

Василий уселся в кресло, привычно пробежал глазами по лампочкам, индикаторам и прочей светотехнике, напоминающей приборную панель небольшого космического корабля. Сходство усиливалось двумя клавиатурами странного вида, под левую и правую руку. Подобно пианисту-виртуозу, он встряхнул кистями и положил руки на истертые кнопки. Но тут же за его спиной раздался полный радости крик Виталика, работающего за соседним агрегатом:

- Один ноль!
- Нормальная? – заорал Вася, надеясь перекричать установленный возле самого уха приемник.
- Ага! Пробу ставить некуда! – заржал диким голосом Виталик и вновь склонился над своим станком.
- Вот блин...

Игра началась. Невинное развлечение превращало монотонную работу в некое подобие соревнований, от которых хоть и становилось муторно на душе, но зато смешно до коликов. Правила были придуманы спонтанно: кому за одну ночь попадется больше всего порнографических сюжетов, тот и побеждает. Как правило, к утру счет ведется на десятки.

- Ну, показывай, - подошел к Виталику Вася.

Виталик выхватил из приемного лотка блестящие, еще теплые, пахнущие реактивами фотографии и сунул их Василию. С фото на него смотрела дородная матрона, возлежащая на старой кровати с круглыми железными набалдашниками. Неизвестная дама призывно улыбалась и кокетливо прикрывалась ворохом пыльных пластмассовых роз, видимо, снятых с антресоли.

- Не считается, - заявил Василий. – Мы же договаривались. Только обнаженная правда жизни и никаких компромиссов. К тому же, она старая.

- Да ладно, - обиделся Виталик, - зато грудь огромная.

После серии пререканий «номер 1» был принят. Ведь, скорее всего, для дамы фото стало личной сексуальной революцией, а Василий считал себя человеком терпимым к чужим слабостям.

Он даже старался не злиться на сортировщика Пашу– здоровенного детину, который постоянно маячил справа от него и перебирал готовую продукцию огромными ручищами. Иногда он выхватывал с приемного лотка наиболее интересные, на его взгляд, фотографии и демонстрировал их Василию. Он же относился к фотографиям равнодушно, то есть смотрел на них исключительно с профессиональной точки зрения. Примерно так же оценивает картину работающий художник: чуть прищурился и видя только разноцветные пятна.

- Вот это машина! Представляешь, сколько она стоит?! – протянул Паша очередную сенсацию.

- Угу, - кивнул Василий, покосившись на фотографию.

Несколько минут слышался только стук печатного станка, затем история повторилась:

- Вот это костюмчик у мужика! Сколько же он за него отдал?!

- Угу.

- Нет, ты только посмотри, какой гроб! Ты представляешь, сколько он стоит?!

Руки Васи замерли над клавиатурой. Сбившись с темпа, он чертыхнулся, но все-таки взглянул на протянутую фотографию. Темно-коричневый сверкающий гроб, с желтыми кистями и скорбными лицами под ними. Таким мог бы гордиться даже дедушка Ленин.

- Слушай Паша, - поднял усталые глаза Василий, - чужым гробам завидовать, это уже...

Он махнул рукой и снова застучал по клавишам со скоростью взбесившейся швейной машинки. Паша еще несколько секунд разглядывал понравившийся гроб, после чего вздохнул и засунул фотографию в отвратительный желтый конверт с фирменным логотипом.

Раньше всех в огромном городе просыпаются торговцы цветами. Не бомжи, не лоточники и даже не дворники. Василий это открыл после частых ночных прогулок по уже сумрачному городу в час, когда наконец-то стихает шум автомобилей, а птицы только пробуют голоса, договариваясь, кто же запоет первым.

Тогда же ему в голову пришла идея печатать рекламные объявления прямо на конвертах для фотографий. Идея ему нравилась со всех сторон. Во-первых, в отличие

от рекламных листовок, эта упаковка гарантированно попадает в дом заказчику. Во-вторых, рассматривать фотографии, как правило, собирается вся семья. В-третьих, фотоконверты удивительно живучи - среднее время жизни одной упаковки около двух недель. Не последнюю роль играет и эмоциональный настрой клиента, который, улыбаясь до ушей, восторженно тычет пальцем в свое изображение. Ну как тут не использовать положительную волну и не всунуть ему хоть немного рекламы? В общем, гениальная идея. Оставалось только убедить в этом рекламодателя.

Начал Василий осторожно. Наученный горьким опытом многих неудавшихся бизнес-проектов, он решил для начала посоветоваться с профессионалами. У него такой профессионал был, точнее была – Лиза, лучшая подруга своей давно забытой девушки. С Лизой он не виделся уже несколько лет, но, по слухам, та вышла замуж и занялась рекламой. Насколько Василий помнил, Лиза еще в студенческие годы отличалась трезвостью ума и могла оказаться исключительно полезной.

Встреча произошла в заурядном кафе, которое по вечерам преобразалось в студенческий музыкальный клуб. В дневное время притихшие гитары и наполовину разобранная ударная установка вносили в скучный интерьер необходимую нотку неформальности.

Прослушав краткую лекцию по истории рекламы, Василий утвердился в своих намерениях и стал с особенным интересом поглядывать на Лизу. Девушка повзрослела, стала осторожней и в тоже время уверенней в себе. Темно-красный цвет волос притягивал внимание, тонкий носик вызывал непроизвольную волну нежности, но необычайно острый взгляд заставлял все-таки слушать, а не отвлекаться на ее созерцание. Особенно ему понравилась фраза, которую Лиза использовала как некую рекламную мантру: «нам все равно, что продавать – йогурт или президента». Идеей с конвертами Лиза заинтересовалась.

- Ты сможешь мне помочь? – наконец решился Василий.
- Смогу, - тряхнула Лиза красными волосами. – Думаю, это не сложно. Что конкретно тебе нужно?
- Ну, во-первых, написать все это на бумаге.
- Составить предложение? – уточнила Лиза.
- Да. Во-вторых, мне нужны контакты на крупные рекламные агентства.

Лиза, почеркав в блокнотике, подняла глаза и спросила:

- А кто будет бегать по всем этим агентствам?
- Я и буду бегать.
- Ну-у, хорошо, - с сомнением в голосе протянула Лиза. – Хотя у тебя-то может и получится.
- Спасибо за доверие, - рассмеялся Василий, - Я так думаю, с официальной частью закончено. Расскажи мне о себе. Слышал, ты замуж вышла?

Лиза отвела взгляд в сторону заваленной хламом сцены. Без рабочего освещения подиум напоминал магазин уцененных товаров.

- Ага, вышла.
- Ну и как оно?
- Да ничего особенного. Ну, смешно теперь иногда. Когда я его называю «супруг», а он меня «супругой».
- Маша мне говорила, что у вас показательная семья. С большой буквы «П».
- Маша, как обычно, преувеличивает. А ты что, с ней видишься?
- Иногда, - ответил Вася и тоже посмотрел в сторону сцены. Его взаимоотношения с бывшей девушкой давно вышли за пределы разумного, и говорить об этом было также тяжело, как и признаваться в какой-нибудь неприличной болезни. Шесть лет

знакомства, нервно-паралитическое расставание и последующие встречи с разновеликой периодичностью. Как правило, в таких случаях Маша вела себя как зарвавшийся подросток, а Василий старался всеми силами изобразить равнодушие. Почему они все-таки практиковали эти пляски на могиле былых отношений, точно не знал никто.

- Как она? – задал сакраментальный вопрос Василий.
- Нормально. Но, наверное, ты можешь спросить ее об этом сам, - укоризненно заметила Лиза.
- Верно. Спрошу при случае.

Лиза написала предложение на следующий же день. В придачу Василий получил стопку бумаг, необходимые контакты и искренние пожелания успеха. Более того, заинтересованность самой Лизы в проекте заметно возросла. Обращивать потенциальных клиентов она не могла – работа занимала все время. Зато административные вопросы взяла на себя.

Через две недели ежедневник Василия разбух: в день проходило по шесть деловых встреч. Ради солидности пришлось достать из шкафа единственную приличную рубашку. Василий целый день мотался по городу, распинаясь перед агентствами про новую, привлекательную и доселе незадействованную рекламную площадку. Профессионалы доброжелательно выслушивали и обещали позвонить. На исходе третьей недели Василий этим обещаниям верить перестал. Но перспектива и дальше проводить ночи за ненавистным печатным станком придавала ему силы и накачивала быстро иссякающим оптимизмом. Стоило Василию только увидеть фотографию, как запах химикатов прицельно ударял в голову, и он, отгоняя от себя глупые мысли, рыча и ругаясь, снова садился за телефон назначать все новые и новые встречи.

Ближе к утру фотолаборатория напоминает старую подземную шахту, где прилежные старатели при свете разряженных фонарей выковыривают из земли последние осколки руды. Даже вечно улыбающийся Виталик становился бледно-зеленого цвета, и, прогоняя перед глазами фотопленку быстрее любого немецкого сканера, мечтал лишь о традиционном утреннем пиве. Шутки звучали все реже, операторы, работающие за машинами, орали на сортировщиков все чаще, а сортировщики клевали носом, сидя на бочках с отработанными реактивами. Включенный на полную мощность приемник уже не прибавлял нервной энергии, а напротив, тяжелым молотом монотонно бил по голове. Выкрутив звук до минимума, Василий потянулся за сигаретами и пакетиком растворимого кофе. За время работы он перепробовал, наверное, все существующие марки и вкусы этого тараканьего порошка.

- У тебя что сегодня? – не оборачиваясь, крикнул он Виталику.
- С миндалем, блин...
- Да? А у меня какой-то синенький. Может, замиксуем?
- Давай, - ответил Виталик и включил электрический чайник, в котором иногда варили даже пельмени.
- Я вот что думаю, Виталя. Если посчитать, сколько мы с тобой фотографий напечатали за все это время, до луны хватит, а? Как ты считаешь?
- Я думаю, хватит даже до Марса. Я же дольше чем ты работаю. Я считал как-то, у меня в год около двух миллионов получается.
- Ничего себе, - уважительно произнес Василий, размешивая в кружке содержимое двух разных пакетиков. – Тебе пора на печатном станке звезды рисовать, как на истребителе.
- Ага, - криво улыбнулся Виталик. – Ну его... В Австралию хочу.

- Чего? В какую Австралию?

- На вот, посмотри.

На колени Василию шлепнулась увесистая пачка фотографий. Невероятно зеленая трава, мирно пасующиеся кенгуру на лужайке - и все это на фоне каких-то фантастических построек из стекла и пластика. Островерхние конструкции казались невесомыми, причудливые здания удивительно органично смотрелись в обрамлении дикой природы. Казалось, что главной задачей архитекторов было сделать присутствие человека в этих местах как можно незаметней.

- И вот смотрю я на все это, Вася, и думаю, - сказал Виталик, разливая кофе. - Что у нас, блин, за страна такая? Туда же королева английская бандитов на перевоспитание отправляла, а ты посмотри, что они, гады, понастраивали. А у нас что, бандитов, что ли меньше? Почему же никто ничего не строит?

Василий не ответил, продолжая внимательно рассматривать фотографии. Ему подумалось, что разницу в пейзажах следовало бы мерить даже не километрами, а столетиями. Идиллические картинки из другого мира создавали ощущение какой-то оторванности от настоящей жизни, где люди наслаждаются этой самой травой, а не бегают с утра до вечера, высунув язык, с одной лишь мыслью о пропитании. Где любитель кенгуру не боится вытащить дорогой фотоаппарат, потому как уверен, что за ближайшим деревом его не поджидает парочка аборигенов. Где прогуливающийся на заднем плане полицейский не вызывает чувства панического страха и ненависти одновременно, а напротив, желание подойти к нему и спросить дорогу.

3

В начале сентября на предрассветных улицах Киева стоит какая-то особая, осенняя свежесть. Сырой воздух напоминает о грядущем сезоне дождей, а иногда, когда ветер приходит с севера, в город вползает туман и запах лежалых листьев. Но сегодня несло гнилыми фруктами и аммиаком, потому как слабенький ветерок появился со стороны фабрики мороженого. Василий медленно брел по пустынной улице, глубоко вдыхал вялые признаки осени и пытался избавиться от въедливого запаха реактивов. Он курил и вспоминал Австралию.

Бесконечная гонка на выживание, арендная плата и долги не оставляли кенгуру никаких шансов. В последнее время он даже начал испытывать стойкое чувство недоверия к заморским странам. Несмотря на неопровержимые доказательства, в виде телевизионных передач или опостылевших фотографий, ему казалось, что на самом деле ничего этого нет, и вся территория за пределами страны представляет собою выгоревшую пустыню. Заботы о хлебе насущном отодвигали райские кущи куда-то далеко за границы реальной жизни, которая, в свою очередь, складывалась всего из трех составляющих. Первой была маленькая квартирка, затерянная в отдаленном районе, вторая – работа, чтобы можно было оплачивать эту конуру. Третью часть Бермудского треугольника, где бесследно пропадает большая часть населения, составлял алкоголь. Или же нечто посерьезней, в зависимости от предпочтений. Можно заняться бегом трусцой, увлечься футболом, католичеством или японским чаем. В сущности, смысл этих занятий только один - отвлечься, чтобы окончательно не сойти с ума от первых двух факторов.

Пытаясь найти хоть какое-то объяснение существованию этого треугольника, Василий чуть не налетел на огромный железный столб, выросший прямо посреди перелопаченной мостовой. Вася поднял глаза и в удивлении замер. Свысока на него смотрел неизвестный мужчина, изображающий некое подобие добродушной улыбки.

Его лицо, покрытое блестящими капельками влаги, занимало около 70 % площади титанического рекламного щита. Оставшиеся 30% гласили: «Тому що справедливий». Гадая, чтобы это значило, Василий несколько раз обогнул столб и медленно отправился дальше, иногда оглядываясь на справедливого парня, скалящего мелкие хищные зубы.

Василий сидел в последнем по списку офисе и вяло допивал любезно предложенный кофе. Хозяйка кабинета, миловидная женщина лет сорока, поглядывала на посетителя с материнской нежностью. От нее исходило обволакивающие спокойствие и доброжелательность, но все предложения она уже выслушала и встреча подошла к своему логическому концу. Дармового кофе оставалось еще минуты на две.

Поддавшись внезапному импульсу, Василий отодвинул чашку:

- Наталья Дмитриевна. Могу ли я задать вам некорректный вопрос?
- Да, - ласково улыбнулась приятная женщина.
- За последний месяц я посетил около восьмидесяти офисов. Меня уже мутит от запаха кофе, а все ответы я знаю заранее. Объясните мне, как профессионал, что я делаю не так?

Наталья Дмитриевна смутилась и в десятый раз пролиستала папку с красочными образцами фотоконвертов.

- Ну что же..., - помедлила она, - объективных причин всего две.
- Каких же?
- Во-первых, ваши предложения будут гулять по кабинетам многие месяцы. А, во-вторых, в данном случае этот срок, скорее всего, удвоится.
- Почему? – спросил Вася, впиваясь в нее глазами.
- Ну как же. Ведь выборы на носу. До этого времени никто с вами не будет заключать никаких договоров: все ждут, - тихо заключила хозяйка, словно выдавая главную корпоративную тайну.

Василий впервые осознал, что в его стране бизнес и политика давно являются одним целым, отнюдь не абстрактным, понятием. Вежливо прощаясь, он собрал со стола образцы и направился к выходу, не забыв поблагодарить хозяйку за отличный кофе. Уже на улице Вася запихал бумаги в безразмерный чемоданчик, добыл из кармана сигареты и побрел в направлении остановки. По улице сновали работяги, служащие пачками выходили из офисов и вливались в артерии вечернего города, бурлящего, как неуправляемый селевой поток. Остановившись прикурить, он обратил внимание на новенький рекламный щит, гордо возвышающийся над покореженной будкой автобусной остановки. Изображение напоминало абстрактный шедевр, созданный художником в припадке очередного творческого запоя. На мятом оранжевом фоне красным огнем сверкало всего одно слово: «ТАК!». Причем восклицательный знак был вписан в любовно прорисованную подкову. В попытке связать красное словцо с добытой у Натальи Дмитриевны информацией Василий улыбнулся. И тут же торопливо достал телефон.

- Привет, труженик, - сразу отозвалась Лиза. - Сколько сегодня успел?
- Восемь. Но это, кажется, уже предел. У меня появилась гениальная идея.
- Излагай.
- Давай предложим рекламу кандидатам в президенты, - произнес Вася скучным голосом.

В трубке повисла пауза. Василий встряхнул телефон и даже взглянул на экран - проверить, не прервалась ли связь. Лиза молчала, сопела, и, наконец, нерешительно произнесла:

- Ну, это же, как-то...

- Ведь сама же говорила, «йогурт или президент», какая разница? – подтолкнул ее Вася.

- Ну, да, говорила. Может, встретимся?

- Давай. Минут через двадцать, в том же кафе.

Когда минут через пятнадцать появилась энергичная Лиза, на ее сияющем лице не осталось и тени сомнения. Красные волосы победно развевались как символы угнетенного, но не сломленного пролетариата. В руках у нее оказалась прозрачная папочка, которой она решительно хлопнула о стол и уселась рядом с Васей. Василий заказал чай и апельсиновый сок.

- Шутку новую слышал? – с ходу спросила Лиза.

- Расскажи.

- Внеочередным решением правительства, рекламные щиты с изображением единого кандидата от власти решено называть не биг-бордами, а биг-мордами.

Василий рассмеялся, сообразив, что же он видел нынешней ночью. Лиза фыркала и потягивала холодный сок. Старые гитары со сцены пропали, теперь там красовалось несколько дополнительных столиков.

- Это который справедливый? – все же решил уточнить Василий.

- Ага. Только теперь он к тому же патриот, лидер и еще бог знает кто.

- Мило. А на самом деле он кто?

- А на самом деле он бандит. Две судимости, говорит с перебоями, но злой ужасно. Ты вообще, в политике хоть что-нибудь понимаешь? – подняла она брови.

- Нет, – опешил Василий, - а это называется политикой? За что его судили?

- Грабеж и причинение телесных повреждений средней тяжести, - не моргнув глазом, отрапортовала девушка. - Правда, теперь говорят, что это ошибка.

- Господи... А как же он с такой биографией баллотируется? – вконец растерялся Вася.

- А так. Ты что, забыл, где живешь? – едко заметила Лиза.

Василию вдруг стало не до смеха. Он угрюмо замолчал, пытаясь себе представить страну, в которой правит такой справедливец. Однако реальность была такова, что представлять это, видимо, придется очень скоро.

- А что у тебя в папочке? – спросил он севшим голосом.

- Это для тебя. Кое-какая информация, чтобы ты просвещался. И контакты на партии. Изучай рынок.

- Спасибо тебе, Лиза. У меня к тебе еще одна просьба есть...

- Ну?

- Дай мне, пожалуйста, телефон своей лучшей подруги.

Лиза укоризненно посмотрела на притихшего Васю и уже приготовилась что-то сказать. Судя по глазам, что-то не очень хорошее. Но в итоге победило чувство такта, и она, достав из сумочки мобильник, хмуро молвила:

- Записывай.

Виталик сосал сигарету, метко сплевывая прямо между ног собеседника. Василий даже не шевелился, по опыту зная, что тот не промахнется, а учить его манерам было хлопотно и бесполезно.

После изнурительной ночной смены сотрудники предпочитали собираться в переходе метрополитена, где в этот ранний час не было ни души. Операторы печати отдыхали стоя, потому как после сидения в неудобном, изломанном кресле невыносимо болел

позвоночник. Проявщики фотопленки, напротив, всю ночь работали стоя, поэтому в переходе старались присесть, прислонившись к заплыванной Виталиком стене. Сортировщики, самая социально незащищенная группа лаборатории, накачивались дешевым алкоголем в произвольных позах.

Потягивая пиво, можно было с чувством превосходства рассматривать первых узкоглазых пассажиров, ловя их косые взгляды в сторону бутылок, или же попросту трепать языком о всякой всячине. Единственной запрещенной темой была работа, хотя именно о ней, как правило, и велись все разговоры. Виталик с фирменным хлопком открыл очередную бутылку и зло разорвал пакетик с чипсами.

- Мне, Вася, жена говорит недавно, - начал он, - ты меня, блин, не понимаешь. А как я могу ее понимать, если я даже себя не понимаю? Разведусь.
- Это ты зря, Виталя, - заметил Василий. – У тебя вон в сумке бутерброды каждую ночь. А у меня шиш с маслом и пакетик кофе.
- А чего ты себе бутерброды не покупаешь? Денег нет?
- Деньги есть. Времени нет.
- Так женись! Пускай тебе жена за бутербродами бежит, - посоветовал Виталик.
- Так тогда, Виталя, денег на бутерброды уже не будет.

Виталик похрустел отдающими сырой рыбой чипсами и критически посмотрел на этикетку. Неподалеку прогуливалась толпа оборванных бомжей, которые уже начали шепотом переругиваться, считая пивные бутылки у ног отдыхающих.

- Чего ж ты тогда, блин, мне всякую фигню советуешь? – спросил Виталик.
- А потому, Виталя, - грустно сказал Вася, - что страшнее одиночества на свете ничего нет.

Вася отыскал ее номер на следующий же день. Голос Маши в телефонной трубке прозвучал не слишком удивленно, хотя и не особенно радостно. Разобранные скамейки в парке, которые местные жители потихоньку растаскивали для своих нужд, показали Васе наилучшим местом для встречи. Маша появилась, как всегда, в несколько агрессивном и неожиданном образе. Красная ковбойская шляпа, аляповатая сумочка и узкие джинсы, что придавало ее длинным ногам несомненное очарование. Все же Василий внутренне поморщился. Их общие знакомые в один голос утверждали, что Маша обладает редким художественным вкусом. Еще много лет назад Василий составил на этот счет свое собственное, не такое однозначное мнение.

Черные, чуть подкрашенные глаза, смотрели из-под остатков пощипанных бровей со сдержанным интересом. Василий поднялся, и приветливо улыбнулся, скользнув взглядом по широкому и смуглому даже в сентябре лицу девушки.

- Красивая шляпа, - сказал он.
- Правда? Это мне мой парень подарил, - улыбнулась в ответ Маша, стреляя в упор черными глазками.
- Тебе повезло, он хорошо тебя знает.
- Думаю, ты знаешь меня не хуже. Но вот шляпок я от тебя не видела, - заметила она.
- Это правда, - согласился Василий, чувствуя, что разговор перетекает в небезопасную область.
- Прогуляемся?

Облегченно вздохнув, Вася повел девушку в близлежащее кафе, на традиционную чашечку кофе. За первым бокалом Маша поделилась новостями годичной давности, похвасталась новой работой и пожаловалась на отсутствие жилья. Василий продолжал отмечать про себя изменения, легко читаемые на ее открытом симпатичном лице.

- Живу у Лизы, - вздохнула Маша.

- Тройственный союз? – поинтересовался Василий.
- Ага. Она, конечно, девушка добрая, подруга любимая, но вот все жду, когда же она решится со мной серьезно поговорить.
- Отвратительно чувство, - заметил Вася.
- Куда уж отвратительней. Ну, а ты чем занят в последнее время? – спросила Маша.
- Работаю. Двигаю очередной гениальный бизнес-проект. Очень надеюсь, что все получится.
- Мне Лиза рассказывала. Планы у тебя, конечно, наполеоновские. Не боишься соваться в такие дебри?
- Нет, Машка, не боюсь, - ответил Василий, - я знаешь, чего больше всего боюсь? Что все так и останется по-прежнему. Дурацкая работа, долги и никакой возможности что-либо изменить. А еще немного времени, и не останется даже желания. Я боюсь стабильности, в самом худшем смысле этого слова.

Маша отвлеченно выслушала эту тираду, чуть улыбаясь уголками красивых полных губ. Небольшая забегаловка была оформлена в темно-бордовых тонах, что удивительно гармонировало с цветом ее помады и даже покоящейся на столике алой шляпой.

- Хорошая ты девушка, Маша, - заключил обуреваемый воспоминаниями Вася.
- Так женись на мне, дорогой.

Василий внимательно посмотрел на хорошую девушку, которую действительно знал, как собственный пустой кошелек. Но где-то внутри, у этой милой, дерзкой девчонки сидел острый стальной шип, на который он уже неоднократно наткнулся. По его лицу пробежала девятифутовая волна эмоций, и, подзвав флегматичного официанта, он заказал еще по бокалу вина.

Маша еще спала, неопределенного цвета волосы покоились на подушке, и Василию показалось, что в дом пробралась огромная серая кошка. Он тихо вышел на кухню, желая облегчить страдания организма и ноющей совести. Итогом переговоров в бордовой забегаловке стало шаткое соглашение, согласно которому решено было попытаться-таки наладить спокойную семейную жизнь. Василий не питал никаких иллюзий, но ему подумалось, что на данный момент это простое и взаимовыгодное решение устроит их обоих. Первая неделя прошла на удивление спокойно. На доньшке еще оставалось несколько капель, но, хорошенько подумав, Вася предпочел воду из-под крана. Закурив, он уселся возле окна, за которым угадывался многоэтажный панельный дом, как будто нарисованный акварелью в размытых утренних сумерках. Вася механически взглянул на часы, заранее зная расположение стрелок. Конечно же, пять часов утра. После длительной ночной жизни Василий сбил в организме все существующие настройки и почему-то всегда просыпался именно в это время. Одна из его близких знакомых называла это «пятичасовым синдромом». Как правило, голова начинала работать на удивление ясно, но сейчас на ней сказывалось чрезмерное употребление дрянного алкоголя. Василий вздохнул, и полез в заветный шкафчик, где в самом дальнем углу покоилась пустая банка из-под кофе. Впрочем, обычно она была вовсе не пустая. Вася продул папиросу, поставил чайник, и, стараясь не шуметь, добыл из шкафчика швейцарскую травяную настойку, которая придавала чаю удивительный аромат и необычный горьковатый привкус. Заварив чай, он сейчас же поджег любовно приготовленную папиросу, сделал несколько глубоких затяжек и наткнулся взглядом на папку, подготовленную Лизой еще на прошлой неделе. До вчерашнего дня Василий относился к политике, так же как и большинство населения родной страны. Политическую позицию рядового украинца лучше всего отражала мудрая народная поговорка: «Хай їбуть, аби не били». Обычно,

при разговорах о политике, граждане делают кислое лицо и гордо заявляют: «я политикой не интересуюсь». Как будто политика - это латинское название тяжелого полового извращения, о котором в приличном обществе говорить неприято. Василий и сам неоднократно произносил эту дурацкую фразу, чувствуя себя ужасно гордым и стоящим несоизмеримо выше игрушечных политиков и дураков, о них говорящих. Но теперь это выражение приобретало для него совершенно иной смысл. Получалось, что очередной политик входит в бедную украинскую хату, ставит хозяина раком и стаскивает с него последние штаны. А невозмутимый дядька хранит на лице печать гордой неприступности и с чужим достоинством в голосе заявляет: - А меня это не интересует.

Василий поперхнулся сладким дымом и выбросил папиросу в окно. Лиза советовала мудро: прежде чем предлагать что-либо кандидатам, надо подробно изучить рынок. Для этого следовало разобраться в происходящих процессах, оценить расстановку сил и определить основных игроков. Покопавшись в сети, он обнаружил несколько занимательных материалов, но настоящее прозрение пришло только после того, как он решился включить поросший пылью телевизор. Как оказалось, все украинцы живут очень хорошо, а скоро станут жить еще лучше. Для этого требовалось всего лишь открыть очередному политику дверь, а все остальное он, как настоящий профессионал, сделает сам.

Устоявшаяся картина происходящего стала вдруг трещать и раскачиваться, как старая деревянная шхуна. Море любви походило на поросший трогательными кувшинками пруд, а пресловутый ветер перемен почему-то совершенно не добавлял энтузиазма. Но все же Василий взял себя в руки и приготовился сделать последнюю, отчаянную попытку. Встречи с представителями кандидатов были назначены, новые, адаптированные предложения давно написаны, только вот рекламу «справедливому лидеру» Василий решил не предлагать.

5

Подольские улочки пестрели политической рекламой, от обилия цветов казалось, что город готовится к внеплановой встрече Нового года по китайскому календарю. Холодный ветер со стороны реки резко подталкивал Василия в спину и вырывал из рук потрепанный блокнот, листая исписанные страницы. Сверившись с записью, Вася удивленно рассматривал на приземистый автовокзал, откуда с рычанием отправлялся в путь очередной перекошенный ветеран. На офис оппозиционного кандидата было не похоже.

С трудом разбирая собственный почерк, Василий обошел гудящий улей вокзала и тут же определил искомое здание. Перед низеньким двухэтажным домом находилась небольшая автостоянка, на которой притаились несколько тяжелых американских джипов, которые он про себя всегда называл «катафалками». В приключенческих фильмах на таких гоняют агенты ФБР или же какие-нибудь правительственные чиновники, расследующие результаты высадки весьма опасных пришельцев.

Не заставляя посетителя долго ждать, дверь отворила миловидная дама и тут же затараторила на украинском, что прозвучало несколько непривычно. На родном языке Вася разговаривал исключительно с родителями, а за время проживания в столице ему так и не удалось встретить ни одного человека, который бы по собственной воле заговорил на языке «колхозников». Так и не успев хорошенько рассмотреть девушку, Василий оказался в приемной, заставленной какими-то коробками, ящиками и гудящими без перерыва копирами, между которыми сновали озабоченные люди.

Налепленный прямо на отделанную под мрамор стену, Василию приветливо улыбался и сам инициатор беготни, оппозиционный кандидат Ющенко. Тот же яркий оранжевый фон, кандидат заботливо обнимает ребенка и, судя по всему, уже готов спасать «батьківщину». Василий поморщился.

- Проходите и подождите, - послышался за спиной голос девушки.

Вася вошел в кабинет, оформленный в непритязательном деловом стиле, с бессодержательными картинками на стенах и огромным плакатом оппозиционного лидера. Василий с удовлетворением отметил, что от офиса рекламной фирмы кабинет отличался только декоративным письменным прибором, который покоился на сверкающем лаком столе. Через минуту появился и хозяин прибора, мужчина лет сорока с прогрессирующей сединой, почему-то одетый в коричневую кожаную куртку. Представившись заместителем старшего специалиста по рекламе, мужчина поднял голубые, удивительно ясные глаза и предоставил слово Василию. Василий собрался с духом и энергично взялся за дело:

- Наша компания предлагает размещение рекламы на фотоконвертах. Фотоконверт - это относительно новый, но уже хорошо себя зарекомендовавший....

Примерно с третьего предложения Вася почувствовал, что больше говорить ничего не нужно. И не потому, что собеседнику это не интересно, а потому, что тот все уже понял. Веки кожаного заместителя опустились и снова вернулись на место. Под внимательным и холодным взглядом Вася скомкал обычную программу, пытаясь настроиться на заданный собеседником темп.

- Сколько это стоит? – спросил голубоглазый заместитель.

- Стоит это ноль два за штуку, или двадцать за тысячу. При тираже..., - снова недоговорил Василий, так как кожаный взял ручку из своего хитрого прибора и быстро написал на бумажке сумму, тираж, процент Васи, количество цветов и области распространения, его интересующие. Бумажку он повернул вверх ногами и придвинул Василию.

- Так примерно? – спросил он.

- Так, - сглотнул Вася, покосившись на сумму.

- Меня вот что интересует, - начал заместитель, – как вы собираетесь использовать эти конверты, к примеру, в Донецкой области?

- При таком объеме я их бесплатно раздаю, - пообещал Василий.

- Не в этом дело. Возьмут ли?

- А почему не возьмут? – удивился Вася.

- Вы знаете, что они наши щиты спиливают или краской заливают? – поинтересовался кожаный. - Но реклама Ющенко в этом регионе нам необходима. В других областях у нас и так высокий рейтинг. Если вы найдете человека, который возьмет это в Донецке - мы согласны. Иначе не имеет смысла.

- Ясно, - сказал Василий, – я попробую.

Вася забежал в прокуренное привокзальное кафе выпить кофе, но, подумав, заказал еще и коньяка. Прикрыв на минуту глаза, он попытался представить себе начальника кожаного заместителя. Некий сияющий рекламный специалист, с темным прошлым, неограниченным бюджетом и чистым, внушающим доверие взглядом. Только вот найти донецкого распространителя, скорее всего, не удастся. «Серьезные люди», - решил Василий, опрокидывая стопку коньяка, сильно отдающего самогоном.

За соседним столом расселась компания люмпенов, с аппетитом завтракающих принесенными с собой бутербродами. Они громко беседовали, чавкали и щедро разливали по столу дурно пахнущее прокисшее пиво. Заметив косые взгляды, которые

бросала на него компания, Василий принял озабоченный вид, одним глотком допил холодный кофе и поспешил выйти на шумную, ноющую от ветра улицу.

Следующим в списке оказался офис социалистов. Длинный извилистый переход вывел Василия в Дарницкий парк, где мамыши гонялись за резвящимися детьми, а угрюмые бездетные дамы выгуливали гадающих повсюду четвероногих друзей. Температура упала еще на несколько градусов, ветер гонял по парку разноцветные листья, за которыми равнодушно следили апатичные собаки.

Поежившись под легкой курткой, Василий наискосок пересек парк, остановившись у белоснежного одноэтажного особняка. Гнездо социалистов по всему периметру было окружено кованым забором, острые, колючие пики которого не особенно располагали к душевному разговору. Заметив на заборе круглую черную кнопку, Вася осторожно на нее надавил, изображая на лице улыбку для наверняка присутствующих камер. Из дверей появился черный как ворон охранник, просверлил взглядом и, прокаркав что-то о предъявлении документов, открыл тяжелую узорчатую калитку.

Интерьер особняка поразил Василия обилием всевозможных оттенков красного, а когда на алой ковровой дорожке появился представительный сивый бюрократ, стало окончательно ясно, откуда у социалистов выросли ноги. На стенах учреждения явственно недоставало портретов мудрых вождей, но врожденный инстинкт и так уже побуждал выпятить грудь и поправить сбившийся набок узел пионерского галстука. «Чур, меня, чур», - подумал Василий, снова изображая на лице учтивую деловую улыбку.

- Здравствуйте! Это вы с рекламой? – прогрохотал бюрократ, оттесняя посетителя своим пузом прямо к дверям кабинета.

- Да, я, - ответил Василий без особого воодушевления. – Я говорил с секретарем, мне сказали...

- Да! Да! Проходите!

Вася попал в кабинет, где ему сразу же расхотелось о чем-либо рассказывать. За стеклом книжных полок выстроились потертые труды, коллекция непонятных вымпелов и гравированных кубков. Хозяин назвал себя Дмитрием Анатольевичем и предложил изложить суть дела. Вася принялся излагать, постоянного оглядываясь в поисках портрета сиятельного Мороза. Но на белых стенах висели лишь какие-то штабные карты, агитационные плакаты и несколько картин, изображающих среднерусские пейзажи с чахлыми березками. Тяжелый дубовый стол, за которым, сложив пальцы на пузе, устроился бюрократ, наводил на мысль о нерушимости законов бытия и политической эволюции. Вот только сам Дмитрий Анатольевич, со своим животом, зачесанными назад стальными волосами и покровительственным взглядом напоминал некую ископаемую особь, с большим трудом восстановленную прилежными археологами.

- Да, это интересно, - заявила вдруг дивная особь, - мы посоветуемся с товарищами, на очередном заседании как раз будет рассматриваться вопрос о корректировке нашей рекламной кампании.

- И вы, наверняка мне позвоните? – не удержался Василий.

- Безусловно, - заверил бюрократ, подтвердив свои слова широким отеческим жестом.

- В таком случае, я с нетерпением буду ждать звонка, - стал прощаться Василий.

Дмитрий Анатольевич был явно разочарован быстротечностью беседы. Похоже, что в последнее время он сильно страдал от недостатка внимательных слушателей. Но Василий спешил, на сегодня была запланирована еще не одна встреча, и лекции на произвольные темы не входили в его расписание. Оказавшись снаружи, Василий в

сопровождении охранника покинул территорию партийного особняка и тут же позвонил Лизе.

И это все? – донимала вопросами Лиза во время ставшего уже традиционным вечернего брифинга.

На сей раз встреча происходила в небольшом спорт-баре, открывшимся неподалеку от новой станции столичной подземки. Лизу многократно тиражировали сверкающие зеркала, установленный под потолком телевизор демонстрировал чудеса человеческой ловкости, а в соседнем помещении молодежь дружно просаживала деньги на игровых автоматах. Василий потягивал пиво и пытался проанализировать ситуацию.

- Вроде все. Если коротко, то у одних есть амбиции, но нет возможности. У других возможностей побольше, но гибкости не хватает, отстали. А вообще, складывается впечатление, что все это как-то несерьезно. Потому как все уже ясно, все договорено и поделено, а предстоящие выборы - не более чем очередной аттракцион для народа. Единственные, кто подает хоть какие-то надежды – это команда Ющенко. Эти явно что-то задумали.
- К кому еще пойдешь?
- У меня остался только один адрес - прогрессивные социалисты. Хотя чем они отличаются от непрогрессивных, я до сих пор не могу разобраться.
- Витренко? – уточнила Лиза.
- Да. «Женщина, которая спасет Украину», - криво усмехнулся Василий, рассматривая на зеркальной стене красные Лизины волосы. - К коммунистам идти нечего. Они бедны, как церковные крысы и, кроме пустых обещаний, от них не ничего дождешься. Кто еще?
- К «лидеру» Янковичу идти, наверное, не стоит, - как бы про себя сказала Лиза.
- Не стоит, - согласился Василий. – Во-первых, у него и так все хорошо. А во-вторых, знаешь Лиза... Я не хочу жить в стране, где правит уголовник. В последнее время меня это очень волнует. Мне кажется, что поза страуса – это не самая лучшая позиция в жизни. Хотя, безусловно, самая удобная.

Лиза помолчала, гоняя по тарелке остатки чипсов и мелкие орешки. По телевизору стали показывать далекий Сидней, где разноцветные спортсмены, потев и толкаясь, бегали по дорожкам какого-то фантастического стадиона. Василий посмотрел на Лизу и, помедлив, спросил:

- Послушай, Лиза... Все хотел узнать: почему ты взялась за это? Перспективы, конечно, радужные, но такие же далекие. Тебе-то это зачем?
- А ты думаешь, мне не надоело каждый день ходить в свою контору? – взорвалась вдруг Лиза. – Ты думаешь, мне не хочется иметь свой, личный кусок хлеба, а не кланчить его все время у какого-то жлоба? Я тоже хочу независимости и свободы. А приобрести это можно только за деньги.
- Не совсем, Лиза, - возразил, помрачнев, Василий. – За деньги можно купить время других людей, как сейчас покупают тебя или меня, и это можно считать независимостью. А что касается свободы... Думается мне, здесь и сокрыта самая главная ловушка. Все желают свободы, никто точно не знает, что же это такое, но предполагается, что ее можно купить за большие деньги. В итоге ты всю жизнь работаешь ради денег, чтобы приобрести то, что вполне можно получить бесплатно, здесь и сейчас.
- Это как? – удивилась Лиза.

- Ну, вот что ты будешь делать, когда получишь много денег и эту самую свободу?
- Путешествовать! – сейчас же заявила Лиза.
- Хорошо. А дальше?
- Куплю себе квартиру.
- Дальше? Когда, чтобы не сойти с ума, нужно будет чем-то заполнить свободное время? – напирал Вася.
- Ну... Потом я, наверное, займусь рисованием, - подумав, ответила Лиза. - Я хоть и не умею, но мне очень нравится.
- Вот. Так какого же дьявола ты сейчас корячишься в своей конторе, а просто не рисуешь картины? – горячился Василий. – Если это все, что нужно для счастья, а?
- А жить я буду за что? – вполне логично спросила Лиза.
- Картины продавать будешь! – отрезал Василий. – В том то все и дело! Нас без конца пичкают какими-то желаниями. Кто сказал, что для счастья тебе или мне нужен телефон последней модели? Или лимузин? Или еще какая-нибудь глупая сверкающая хрень? Но ведь я могу и поверить?!
- А что тебе нужно? – с интересом спросила Лиза.
- Не знаю! – воскликнул Василий. – Пока еще не знаю. Но определенно здесь что-то не так. Свободу не купишь, она не продается в телемагазине. Там продаются только иллюзии, причем неоправданно дорого.
- Ладно, не кипятись, - успокаивающе заговорила Лиза, - лучше подготовься к встрече с прогрессивными социалистами. «Женщина-спасатель» – это твой последний шанс.

По центральной улице города бродили радостные возбужденные люди, размахивая оранжевыми флагами, повязанными на длинные рыболовные удилица. Василий осторожно пробирался по Крещатику, с интересом читая корявые слова на плакатах демонстрантов. Тексты были довольно однообразны, активисты призывали сделать свой выбор, скоропостижно объявляли Ющенко народным президентом и уверяли, что победа за ними. Обойти демонстрацию не было никакой возможности, и Василий жался к стенам, листая свой потрепанный блокнот. Офис прогрессивной партии находился где-то рядом, похоже, что в одном из многочисленных внутренних дворики.

С великим трудом протиснувшись меж плотными рядами оппозиции, Вася проскользнул во двор и поднялся на второй этаж. Дверь была открыта, и он тут же оказался в маленькой приемной, где большую часть стены занимал огромный, читавшийся как приговор плакат: «Навеки с Россией». От текста приведенного ниже Вася похолодел. Прогрессивно настроенные социалисты считали, что спасти бедного украинского дядьку донецкий рецидивист уже не в состоянии. Для полного и окончательного счастья, следовало позвать на помощь «старшего брата», который с удовольствием поможет нерасторопному украинскому бандиту.

- Проходите, - как всегда неожиданно прозвучало из-за спины.
- Василий шел по длинному и узкому коридору, который низко гудел, как высоковольтные провода. Из-за дверей кабинетов слышались сдержанная ругань, обрывки разговоров и споры о каких-то сетках, квотах и лимитах. Наконец Василий оказался в маленькой, заваленной бумагами и мебелью комнате, где его уже поджидал худощавый мужчина, одетый в клетчатую рубашку. Криво сидящие очки придавали ему очень серьезный вид, а дорогая ручка, торчавшая из нагрудного кармана, вызывала невольное уважение.
- Здравствуйте, меня зовут Михаил Андреевич, - представился он низким, чуть хрипловатым голосом.

Василий назвал, пожал протянутую руку и уселся на предложенный стул. Рядом застучала по клавишам молодая белокурая девушка, которая привела его из приемной. На экране ее компьютера то и дело мелькали страницы украинских телекомпаний, радиостанций и столичных газет. Вася достал из чемоданчика подготовленное предложение, образцы фотоконвертов и передал все это серьезному мужчине. Михаил Андреевич поправил очки, улыбнулся и спросил:

- И кому вы это еще предлагали?
- Всем, - ничуть не смутился Василий.
- Кто-то согласился?
- Нет, - честно признался Василий. – Пока что обещали подумать.
- А если все сразу согласятся, что будете делать? – ухмылялся Михаил Андреевич.
- Тираж огромный, всем хватит. Но если вы хотите быть единственными...
- Хорошо, - принял решение мужчина, – я покажу ваше предложение Наталье Михайловне. Думаю, нас это заинтересует.

7

Маша хлопала длинными ресницами и рассматривала в окне свое отражение, недовольно выпячивая полные губы. Василий чувствовал себя старым школьным учителем и всеми силами старался не потерять самообладания.

- Я, конечно же, не возражаю, - в сотый раз пояснял Василий. – Если ты желаешь проводить ночи со своими развеселыми друзьями – пожалуйста. Но в таком случае будь свободной и независимой до конца и не рассчитывай на мое участие.
- Так ты что, не будешь за меня больше платить?

От такой откровенности Василий опешил. Помолчав, он полез в заветный шкафчик за волшебной швейцарской бутылочкой. Травяную настойку ему как-то привез Костя, бродяга-путешественник, который ежегодно отправлялся в Европу на поиски новых впечатлений. Василию всегда казалось, что в настойке заключены многие километры дороги, и, если правильно заварить чай, то их можно выпить вместе с запахом.

- Знаешь, что мне это напоминает? – спросила вдруг Маша. – Все это уже было, только наоборот. Тогда ты пропадал ночами, а я, как дура, тебя ждала.
- Возможно, - не стал спорить Вася. – Так это что, месть?
- Нет, но я хочу жить так, как мне нравится. А если тебе не нравятся клубы, я буду ходить туда со своими друзьями.
- Хорошо, - согласился Вася, - только будь добра, хотя бы сообщай мне об этом.
- Зачем? У тебя же сейчас одна политика в голове!
- Затем, что пока ты..., - недоговорил Василий, так как в его кармане вдруг зазвонил мобильник. Взглянув на номер, он поспешил бодро ответить:
- Слушаю?
- Здравствуйте, - произнес знакомый хриловатый голос, - Михаил Андреевич вас беспокоит. Вы не могли бы подъехать к нам в офис?
- Да, конечно. А что случилось? – волнуясь, спросил Вася.
- Договор будем подписывать. Он у вас с собой?
- А... Да! Скоро буду, - ответил Василий и сорвался с места, как гончая, не обращая никакого внимания на замершую в негодовании Машу.

Выбегая из дома, он на ходу позвонил Лизе, и, не дав ей опомниться, завопил:

- Лиза! У тебя есть ровно двадцать минут, чтобы написать и распечатать договор. Я уже еду.
- Что?! Согласились? – не веря своим ушам, воскликнула Лиза.

- Да! Все вопросы потом.

Сияющий, как новогодняя елка, Василий, предстал пред очами Михаила Андреевича полным задорной решительности. Михаил Андреевич прочитал текст договора, неопределенно хмыкнул и молвил: - Пошли.

Василий проследовал по знакомому коридору и вслед за Михаилом Андреевичем остановился в дверях настежь открытого кабинета. В глубине протекало затяжное собрание, где за огромным столом восседала сама Витренко, походящая на старого облезлого филина. Ей внимали около десятка людей, чем-то неуловимо друг на друга похожих.

- Наталья Михайловна, - обратился к ней обладатель клетчатой рубахи. - Вот договор по рекламе, мы с вами говорили утром. Человек пришел, подписать надо.

Филин повел глазами так, что Василию стало страшно. Потом отрыл рот и сказал человеческим голосом:

- Это что, прямо сейчас пописывать надо? Вы что, не видите, у меня совещание? В кабинете стало тихо, как в зимнем лесу. Головы собравшихся братьев по партии дружно повернулись в сторону Михаила Андреевича. Тот покраснел, потом побелел, и, не сказав ни единого слова, вышел.

Вернувшись в кабинет, он бросил так и не подписанный договор на стол, прошипел «две недели осталось, а она...» и вдруг предложил:

- Пойдем, пообедаем.

К обеду Михаил Андреевич предпочел рюмочку коньяку и жаркое. Василий ограничился кофе с пирожным. Небольшая чистенькая столовая явно пользовалась успехом у партийцев, многие из которых уважительно приветствовали Михаила Андреевича. Василий с интересом наблюдал за его сухим, длинным лицом и удивлялся такому самообладанию.

- Нервная у вас работа, - заметил Василий.

- Я этой работой десять лет занимаюсь. Кому я только выборы не организовывал. Но Наталья Михайловна, конечно, человек не простой. К ней особый подход нужен, - заставил себя улыбнуться Михаил Андреевич.

- А зачем ей вообще эти выборы? – спросил Василий. – Шансов-то никаких, а времени и денег тратится уйма.

- Затем, - стал пояснять Михаил Андреевич, - что парламентские выборы на носу. И если сейчас не развлечь наших избирателей, то в следующий сессионный зал она может попросту не попасть.

- Тогда еще один вопрос, - спешил воспользоваться случаем Вася, - зачем так много кандидатов в президенты? Я говорю о тех аутсайдерах, которых до этого никто в глаза не видел?

- Технология. Это балласт, подставные. Потом их голоса в избирательной комиссии пойдут на пользу того, кто их финансирует, - ответил Михаил Андреевич.

- Вы позволите? – послышался рядом приятный голос.

- Садись, Евгений, - пригласил Михаил Андреевич, - вот как раз рассказываю, как трудно стало работать. До выборов две недели, а она неизвестно о чем думает.

Василий внимательно разглядывал бородатого сотрапезника, который представился депутатом и присел за столик. Василий никогда еще не видел живого народного избранника, тем более за совместным обедом. Постепенно между ним и Михаилом Андреевичем завязался очень познавательный разговор. Сначала Михаил Андреевич пожаловался на своенравную Витренко, затем на общее предвыборное законодательство, а молчаливо жующий Евгений лишь отпускал едкие комментарии. Но постепенно их разговор становился все интереснее, унося двух коллег в густые

дебри профессиональной политики. Василий наострил уши. К концу беседы он начал догадываться, что не все в его стране так однозначно и просто, как можно было бы решить, прочитав несколько политических обзоров. И вдруг он понял, что все важные вопросы, из-за которых активисты разгуливают с флагами по улицам, решаются этими людьми именно так - за обедом, с рюмочкой коньяка и особым творческим расположением духа.

Спустя несколько дней Василий позвонил в офис прогрессивных социалистов, пытаясь выяснить судьбу своего договора. Вася долго разыскивал Михаила Андреевича, пока, наконец, не нарвался на знакомую белокурую девицу.

- Михаил Андреевич? – переспросила та, - так он уволился.
  - Как? – в ужасе воскликнул Вася.
  - А так. В тот же день и уволился. Вот сижу теперь, одна разгребаю.
- «Вот тебе и особый подход», - подумал Василий и положил трубку.

8

В маленьком студенческом кафе было сильно накурено, прожженные темно-зеленые скатерти походили на флаги чудом уцелевшего полка, а стулья скрипели и тряслись под седалищами посетителей. Но публика в кафе собиралась непритязательная. Тихо мурлыкал музыкальный автомат, под аккомпанемент которого неунывающие студенты выгребали из карманов мелочь, заказывая дешевое, болезненно-желтого цвета пиво. Василий предпочел чай, и, допивая уже вторую чашку, поджидал Лизу. Ноябрь принес в город щемящий холод, воющий по ночам ветер и второй тур президентских выборов, намеченный на ближайшие выходные.

Лиза появилась, когда Вася как раз заказывал очередной пакетированный напиток. Свежая и румяная, она энергично забежала в кафе, распространяя вокруг спокойную уверенность, улыбку и запахи близкого снега.

- Привет! – прижалась она холодной щекой.
- Здравствуй, Лиза. Ты не знаешь, из чего они такой чай делают? На вкус как сушеный веник, потянул за нитку – бирка в руках осталась. А бросил в чашку - так пакетик разорвался.
- Не знаю, - улыбнулась она. – Ты чего такой мрачный? Фотографии не продаются?
- Продаются, что им сделается, - проворчал Василий.

Не так давно он уволился из лаборатории, перейдя на рельсы свободного предпринимательства. Однако особой радости по этому поводу он не испытывал: беготни добавилось, а вот денег стало существенно меньше. Друзья и знакомые уверяли, что так бывает всегда, особенно поначалу, но Вася им не верил. Слишком часто его грандиозные планы рушились, поэтому в последнее время он занялся банальной спекуляцией, стараясь не рисковать попусту и мыслить более реалистично.

- Как поживает Маша? – поинтересовалась Лиза, заказывая кофе.
- Нормально, - поморщился Вася. – Давай о чем-то приятном поговорим, а? Мне в последнее время катастрофически не хватает положительных эмоций.
- Могу тебя повеселить! Шутку про Януковича слышал?
- Лиза перестать, - взмолился Вася, - какие тут шутки? То, что он писать не умеет или людей «козлами» величает? Ты думаешь, это смешно?
- А почему нет? – веселилась Лиза.
- Ладно, проехали – махнул рукой Василий. – Ты предложения новые принесла?
- Принесла, конечно, - вздохнула Лиза.

На столе появилась аккуратная стопка листов, уложенных в разноцветные пластиковые папки. Василий посмотрел на них так тоскливо, что Лиза решила прояснить ситуацию:

- Будешь дальше бегать? Не надоело?
- Надоело, Лиза. Но попробую еще. Потом, когда в стране этот бардак закончится.
- Я помогу...
- Спасибо, конечно, - покачал головой Вася. – Знаешь, я сейчас застрял там, где всегда боялся. Нормальная работа, нормальная девушка, нормальная жизнь... Только мне все кажется, что я что-то упускаю. Что-то очень важное, если не самое главное.
- А чего бы тебе хотелось? – спросила Лиза.
- Ты уже спрашивала, - выковыривая из чашки останки пакетика, ответил Вася. - Не знаю пока. Но чем дальше, тем больше появляется вещей, которых мне однозначно бы не хотелось.
- Например?
- Например, работать ради денег. Или жить ради жратвы. Или любить ради секса.

Лиза поставила чашку и удивленно уставилась на собеседника. Василий сам не замечал, как прожигал на зеленой скатерти очередную дыру, посыпая пеплом рахитичный столик. Лиза достала свои тонкие белые палочки и тоже закурила.

- А еще, - подумав, добавил Вася, - меня просто пугает страна, из которой все хотят уехать. Где почему-то стыдно говорить на родном языке, где кандидат на высший пост – необразованный хам, где политики превратили людей в рабов, а землю – в ядерный могильник. И самое главное - никого это не волнует.
- Напротив, - возразила Лиза, - сейчас это многих волнует.
- Да? Возможно...
- Брось, - посоветовала Лиза. – Вот закончиться эта гонка, люди работать начнут, глядишь, и всплывут наши конверты.

Василию стало приятно от этого «наши», и он улыбнулся, поглядев на Лизу. В который раз он пытался разгадать этого человека, но каждый раз, щурясь от сияющего красного цвета, вспоминал о ее лучшей подруге. Неужели между ними так много общего?

- Да, и самое главное, - продолжал Вася. – Мне, наконец, удалось разгадать основной принцип социальных взаимоотношений.
- Ну и?
- Принцип следующий: или ты дурак, или командуешь другими дураками. Третьего не дано.
- И кем бы ты хотел быть?

Василий поковырялся в чашке и посмотрел в сторону болтающих как попугаи студентов. Будущие дипломированные специалисты прилежно обучались правильно считать чужие деньги, быстро реализовывать чужие идеи, обучать и мотивировать новых рекрутов для крупных международных компаний.

- Эмоции мне нужны, Лиза. Встряска, - сказал он. – Не хочется мне пока капитулировать перед этой мерзкой реальностью.

Дом спал, окруженный остовами обнаженных деревьев, всего лишь несколько окон бросали во двор отблески синеватых молний от работающих на холостом ходу телевизоров. Василий присел на мокрую, все еще усыпанную желтыми листьями скамью, поднял воротник и полез в карман куртки за сигаретами. Время близилось к полуночи, окна его квартиры были слепы, значит, Маша наверняка еще не вернулась из очередного клуба. Спешить было некуда.

Вася неторопливо закурил, посматривая на темные окна городского муравейника. Холодная ноябрьская ночь стучала в двойные стекла, но люди отгородились от нее включенными телевизорами, чашкой полуночного кофе, а те, кому повезло больше, коротали ночь вместе. Василий задумался, сколь же таких вот квартир он сменил, сколько из них на короткий срок получали ласковое название «дом», и что же вообще значило для него это слово. Сколько раз ему приходилось сидеть вот так, во дворе или городском парке, когда на лицо падают дождем последние уцелевшие листья, и не хочется никуда уходить, потому как эта короткая передышка, кажется, самый интересный и важный момент в той суетливой беготне, которую принято называть счастливой и полноценной жизнью. В этот краткий миг он вдруг ясно увидел себя запутавшимся в холодной и липкой паутине, вырваться из которой тем сложнее, чем больше прилагаешь к этому усилий. Нити постепенно опутывают все тело, на звук борьбы спешит голодный охотник, и, поводя маленькими злобными глазенками, уже готовит веревку покрепче вкупе со смертельной дозой сладкого успокоительного яда. Логика подсказывает не дергаться, не шевелиться, замереть, притворившись мертвым. Тогда, возможно, страшный зверь не заметит и пробежит рядом, со свистом втягивая холодный воздух, неслышно перебирая восемью мохнатыми лапами, вынюхивая запах страха.

Но все чаще Вася опасался доверять логике. Незыблемые законы железной рациональности и здравого смысла уводили вглубь бесконечного лабиринта, откуда, как правило, возврата нет. Казалось, что в извилистых коридорах жизненного пути несколько поколений играли в казаков-разбойников. Все стрелки перепутались, некоторые стерлись, а некоторые указывают на несуществующие в природе выходы. Разбираться в этих указателях, призывая на помощь логику, было все равно, что перебирать на чердаке утопающий в пыли хлам и пытаться отыскать там нечто жизненно необходимое.

Когда Василий снова посмотрел вверх, окна его квартиры уже светились бледным голубоватым светом. Несмотря на все усиливающийся холод, подниматься домой не хотелось. Надвинув на глаза потрепанную кепку, сбрасывая с себя желтые листья и вздрагивая под легкой курткой, он направился к ближайшему заведению в надежде согреться порцией разбавленного коньяка и дешевого растворимого кофе.

Утро понедельника выдалось пасмурным и хмурым. После проведенной у телевизора ночи люди, собирающиеся на главной киевской площади, приходили раздраженные, разочарованные, но, в то же время, с надеждой и ожиданием на лицах. Глаза потемнели от обиды, но в глубине их уже плясали упрямые искорки, тлели как угольки, готовые разгореться даже от популярных украинских напевов, доносящихся из установленных на сцене динамиков. Митинг был назначен на девять утра, а лидера от оппозиции, ставшего за одну ночь воплощением справедливости, все не было.

Ветер трепал повязанные на деревьях ленточки и редкие флаги, люди переминались с ноги на ногу и притопывали от обжигающего утреннего холода. С каждым минутой народу на площади становилось все больше, вливающиеся люди взволновано делились последними новостями. Разговоры шли о невиданных махинациях, о том, что это были не выборы, а просто издевательство, о том, что председатель избирательной комиссии говорит такие вещи, от которых телевизор хочется вышвырнуть в окно. Время от времени, в разных уголках Майдана начиналось скандирование «Ю-ще-нко», от

которого становилось теплее и как-то уютней, среди вытоптанного тысячами ног грязного снега.

Чтобы не замерзнуть, Вася бродил по площади и вглядывался в лица сограждан, которые почему-то совершенно не спешили на работу. Люди на площади собрались самые разные: пенсионеры добывали из карманов маленькие оранжевые флажки, бизнесмены, сжимая в руках неизменные барсетки, болтали по телефонам, а молодежь откровенно веселилась, размахивала флагами и щедро угощала всех желающих оранжевым цветом. Ничего подобного ранее Василий не видел. Но по рядам людей, терпеливо ожидающих появления лидера, передающих друг другу оранжевые ленточки, уже пробежало тревожное и странно возбуждающее слово - революция. Лидер появился ближе к полудню. Сжимая в руке помятые листочки, облаченный в строгое черное пальто и оранжевый шарфик, он выглядел весьма решительно и эффектно. Шум на площади стал стихать, и Василий, вглядываясь в лицо народного президента, попытался на секунду представить: что же тот чувствует? Когда позади нервная бессонная ночь, когда все зависит только от твоих слов и тех людей, которые, подобно морю, волнуются перед сценой. А в руке лишь несколько жалких листочков с перечнем преступлений того, кто уже считает себя полноправным хозяином страны.

- Дорогі брати і сестри, – негромко, но убедительно начал Ющенко. - Я прошу вибачити...

Люди затаили дыхание, взгляд тысяч глаз окружил лидера невидимым ореолом доверия, внимания и надежды. Лидер не оплошал.

Да, вас обманули. А чего вы, собственно ожидали? Что проворовавшаяся власть так просто возьмет и подвинется? Что достаточно просто прийти на участок, бросить в избирательную урну бумажку и спокойно отправляться спать? А тот товарищ, который считает всех «за казлов», расстроится, смахнет слезу и отправится к себе на родину дальше разводиться голубей и снимать шапки с прохожих?

Наверняка слова были не те, и говорил лидер совсем о другом. О том, что во многих областях явка избирателей превышает количество населения, о том, что масштабы фальсификаций просто чудовищны, о том, что мало сделать свой выбор – теперь его нужно еще и защитить.

Василий слушал, кричал, мотал головой, и постепенно в нем закипала веселая ярость. Вокруг толпился народ, тот самый народ, о котором ранее можно было прочитать лишь в книгах, который, согласно источникам, может все, особенно, когда собирается вместе. На сцене появилась соратница Ющенко, решительная и неподражаемая дама, которая выразилась еще проще. Не отдадут власть – будем брать мосты и телеграф.

Всеукраинская забастовка, акция гражданского неповиновения, не уходите с Майдана, не уходите...

Появились первые палатки. Очкастый полевой командир взмахнул рукой и сейчас же площадь превратилась в зимнюю стоянку полярников. Палатки установили прямо на проезжую часть, разбили лагерь выставили охрану. Появилось еще одно странное слово – провокация. Никакой агрессии, алкоголь запрещен, вести себя мирно, но с места не сходить. Провокаторов вязать и сдавать милиции, которая с ужасом наблюдает за сверкающим оранжевым Майданом, но пока предпочитает не вмешиваться. На площади уже собралось более десяти тысяч человек.

Вася пробирався к станции метро, когда в кармане противным голосом запиликал телефон. Звонил Дима, молодой преуспевающий бизнесмен, внезапно разбогатевший на продаже фотопленки.

- Ну что? – заорал он самое ухо, - слышал?!

- Слышал, Дима. А ты что, тоже здесь?
- А где ж мне еще быть? Давай людей собирать, позвонишь своим?
- Позвоню, - улыбался Вася, - Виталик пойдет, Пашу позову, Серегу...
- Ну, давай! Встретимся вечером.

Подходя к дому, Василий набрал номер Виталика. Тот долго не отвечал, но Вася упорно набирал номер.

- Здорово, Виталя! На площади был?
- Не-а...
- Как? Ну, так приходи, посмотришь на живую историю.
- Да не, - помялся Виталик, - я это... Блин... Не пойду я, короче.

Вася помолчал, не зная, что же еще сказать. Виталик что-то мычал, говорил о работе и энтузиазма Василия не разделял.

- Знаешь, - сказал, наконец, Вася, - думается мне, не попадешь ты в Австралию. Оставшихся коллег, он решил не тревожить. Ему подумалось, что в этот момент каждый сам способен выбрать подходящую случаю позу.

Вася влетел в квартиру и обнаружил на диване полусонную Машу, зависшую на очередном бесконечном телесериале. Экран мерцал и помигивал, очевидно, от накала ползущих по экрану страстей, в виде двух вяло переругивающихся героев.

Василий крикнул, но ничего не сказал. Надергав из холодильника еды, он устроился перед телевизором, переключив канал на новости. Маша недовольно хмыкнула, но промолчала. Судя по ее потрепанному виду, говорить ей было мучительно тяжело. Журналисты дружно заявляли, что ничего особенного не происходит, и, хотя окончательные результаты выборов еще не объявлены, российский президент уже поздравил господина Януковича с убедительной победой.

Вася замычал и переключил на другой канал. Там рыжий, маленький и испуганный политик призывал украинскую нацию к толерантности и рассудительности.

- Я те покажу рассудительность, - прорычал Вася уже в прихожей, с треском затягивая шнурки на ботинках.
- Ты куда? – привстала с дивана Маша, похожая на маленькую шаловливую ведьму.
- На площадь. Страну спасать.
- И охота тебе мерзнуть?
- Ай! – махнул рукой Вася, выбегая из дома.

Он решил не тратить слов попусту и не заниматься агитацией собственной девушки.

Неожиданно он вспомнил о чудесной травяной настойке и пожалел, что не успел попить чаю. Набрав номер возвращенного Европой Кости, он с удовлетворением узнал, что тот в составе команды проверенных товарищей давно стоит в оцеплении палаточного городка. Из последних новостей стало ясно, что акция неповиновения приобретает огромные размеры, из других городов подтягиваются социально активные люди, а власть до сих пор делает вид, что ничего не происходит.

Оказавшись на площади, Василий сразу же попал в людской водоворот, на сцене сменяли друг друга политики, музыканты и поэты, со всех сторон несло «свободу не спинити!» Впервые это слово приобрело осязаемые формы, его можно было потрогать руками и прокричать во весь голос. И тут он вдруг остановился и задумался: а что же это такое, свобода?

Что показательно, первыми правду о президентских выборах на Украине узнали глухие. Сурдопереводчик первого государственного канала, на свой страх и риск, перевела совсем не то, что озвучивал уверенный диктор.

И только вслед за отважной переводчицей с экрана хлынула мутная волна публичных признаний. Первыми опомнились журналисты: проливая крокодильи слезы, они стали массово увольняться с телеканалов, выражая свое несогласие с текстами, которые им предлагала прочесть агонизирующая власть. Во время редких набегов домой Василий первым делом, отогнав от телевизора Машу, включал новости.

Он жевал бутерброды и краснел от стыда, не понимая, где же было их несогласие еще неделю назад. Кто, как не они, надували народ, как воздушный шарик, на все лады расхваливая «справедливого и последовательного»? А теперь, видите ли, читать по бумажке им стало неприлично. Возникало ощущение, что средства массовой информации настолько удалились в некую абстрактную область реальности, что теперь вынуждены любой ценой, слезами и поклонами вновь вымалывать доверие зрителей, потому как телевизор никто не смотрит и рейтинг упал ниже тапочек.

Подобным образом повели себя многие артисты, певцы, патлатые рэперы и прочая шелуха, паразитирующая на духовном вакууме простого украинского дядьки. Вася чуть не захлебнулся чаем, когда увидел в прямом эфире престарелую «суперстар», с пеной у рта уверяющую, что она есть «не сука и не крыса». Наконец-то можно было взглянуть на истинное лицо тех, кто так долго переводил театральные гримы. Беда в том, что никакого удовольствия это не доставляло.

Но, как всегда, всех переплюнули политики. Стоя на площади, Василий с изумлением наблюдал раскаявшихся старых гэбэшников, рыдающих от умиления олигархов, а один седой коммунист прямо на сцене разорвал свой партбилет, обличая несправедливую власть, которая заманила его в свои преступные сети. От всего этого веяло дешевым театральным трагизмом, предатели громко рыдали и просили пощады, но рук из карманов не вынимали. И в то же время, казалось, общество вошло в фазу особенного перерождения, когда в слезах и муках появляется нечто новое, сверкающее и настоящее, окрашенное в золотисто-голубые цвета и сильно пахнущее свободой. Той самой свободой, о которой ничего не знали уже несколько поколений.

Нескончаемая людская река огибала дома, растекалась по улочкам и площадям, бурлила у столбов и редких автомобилей, украшенных оранжевыми ленточками. Люди шли к парламенту. Вася шествовал рядом с Костей, который, обвязавшись до подбородка черным шарфом, тяжело топал по размолоченному снегу. На его одежде не было ни одной оранжевой детали, серые глаза смотрели спокойно и внимательно. Он курил, стараясь держаться поближе к середине улицы.

- Вот уж не думал, что придется революцию пережить, - признался он, дымя папиросой.

Темный шарф и выбивающиеся из-под шапки вьющиеся волосы делали его похожим на молодого мятежного поэта. Василий, потирая руки, заметил:

- Разве это революция. Вот если бы парламент сжечь, а банду в тюрьму посадить... А еще лучше лишить гражданства и выгнать к чертовой бабушке.
- Вася, так ты ж экстремист и провокатор, - с веселым изумлением заметил Костя.
- Ага. Экстремист. Вот скажи мне, друг любезный, а зачем с ними договариваться?
- Ну, мы же цивилизованные люди.
- Да? Я вот что думаю, Костя. Беспредельщики – они и в Африке беспредельщики. О чем с ними говорить? Они нам руки выкручивают, людей убивают, а мы должны создавать народную массу и демонстрировать добрую волю. А эти сволочи еще и

недовольны, потому как своим присутствием на улицах мы затрудняем движение их мерседесов. Тьху!

- Да ладно, тебе. - успокаивал рассудительный Костя, - Нельзя же, в самом деле, взять всех и перестрелять.
- Нельзя, - вздохнул Вася.

Колонна приблизилась к зданию центральной избирательной комиссии, где команда раздолбаев от правительства все еще пыталась сосчитать голоса. Забранные маскировочной сеткой, на территории правительственной резиденции стояли несколько бронетранспортеров и угрожающего вида водомет. Прямо напротив здания торчал обычный жилой дом, в окнах которого повисли жильцы, наблюдающие за грандиозным шествием. В одном из окон бледная женщина, облаченная в потертый домашний халат, неистово размахивала оранжевым полотенцем. Ей помогал ребенок лет пяти, едва достающий до подоконника.

- Смотри, - пнул он в бок Костю. – Как рыбы в аквариуме. Глазят из глубины и думают: стоит ли нам выходить на сушу?
- Достаточно того, что они смотрят, - ответил Костя. – Не прячут головы под подушку и не выливают нам на помой голову.
- Заметь, Костя, это ведь эволюция, вызванная революцией. Значит, людей стало волновать что-то еще, кроме продуктового магазина.
- Еще бы! Ты представляешь, что они сейчас чувствуют?
- Представляю, - сказал Вася. – Наверное, то же что и я.
- А ты что чувствуешь?
- Я чувствую себя важным. Чувствую себя способным что-то изменить. Попросту говоря, я чувствую себя как убежденный идеалист. Единственное, что меня тревожит, так это вездесущая народная мудрость.
- Какая мудрость?
- Революцию задумывают романтики, реализовывают идеалисты, ну, а плодами ее пользуются негодяи.

Мариинский парк был оккупирован передовым десантом, пробиться к стенам парламента было невозможно, и Василию пришлось остановиться неподалеку от дворца. С прилегающих улиц появлялись все новые и новые колонны, заполняя все обозримое пространство укрытого снегом парка. В суматохе он потерял Костю, но тут же позабыл об этом, потому как начиналось внеочередное заседание любимого парламента. Усилиями телевизионщиков был установлен репродуктор, после чего ругань народных избранников победным кличем разносилась по всему парку. Народ вел себя мирно и обсуждал странное поведение коммунистов, которые попросту не явились на заседание.

Неожиданно рядом с Василием появились два молодых человека, громко разговаривающих по-русски и выкрикивающих непонятные лозунги. Их сразу же окружили встревоженные люди, пытаясь выяснить причины излишне агрессивного поведения. Пока между людьми завязывался невнятный диалог, откуда-то сбоку вдруг вынырнула телевизионная группа, в спешном порядке установила камеру и начала приставать к возмущающимся парням. Пораженные люди замолчали. Только двое подозрительных типов размахивали руками и продолжали провоцировать на бессодержательный обмен мнениями. Наконец, кто-то сообразил спросить у телевизионщиков документы, после чего вслед улепетывающей группе провокаторов раздался свист и улюлюкание. Народ проводил компанию дружным скандированием «Геть брехливу пресу!» и издевательскими аплодисментами. Василий впервые осознал,

что рассказы о наглых и изобретательных провокаторах имеют под собой реальную почву.

Он прижался к дереву, вслушиваясь в задорную депутатскую ругань и успокаивающее лепетание спикера. Быстро стемнело, и в свете желтых парковых фонарей стал падать мягкий пушистый снег, пробираясь сквозь голые ветви деревьев, сквозь мерзнувших, но не уходящих людей, оранжевые ленты и флаги. В глубине парка кто-то играл на барабанах, звук отражался от стен Мариинского дворца, наткнулся на трущихся возле репродукторов людей и терялся в нижней части парка, где крутые, занесенные снегом дорожки, вели прямо к древнему, сонно переливающимся Днепру.

Автобус дребезжал и повизгивал, рыская по заснеженной улице, из-за чего Вася постоянно наткивался на локоть сидящей рядом подруги. В последнее время Маша часто бывала в дурном настроении, вот и сейчас, напустив на себя грустный и задумчивый вид, она рассматривала бегущий за окном городской пейзаж. Василий с подозрением относился к подобным настроениям, поэтому пытался развлечь ее нейтральными разговорами о природе социальных катаклизмов. Маша отмалчивалась и глядела в окно. Заметив на тротуаре группу молодых людей, размахивающих оранжевым флагом, она недовольно наморщилась, и, отвернувшись от окна, бросила: - Клоуны.

Вася позеленел, но сдержался. Дискуссия на тему революции в переполненном и душном автобусе выглядела бы глупо. Маша помолчала и молвила:

- Новый год скоро. Как встречать будем?
- А как бы ты хотела? – осторожно поинтересовался Василий.
- Меня друзья в клуб приглашают, там программа на всю ночь. Но ты, наверное, не пойдешь?
- Не пойду, - разозлился вдруг Вася, - меня тоже друзья приглашают, правда, в Крым. Вот Костик на днях собирается, так я лучше с ним поеду.
- Ну, как знаешь, - вспыхнула Маша и снова уставилась в окно.

Василий подумал вдруг, что умение держать себя в руках и не поддаваться на провокации тоже можно считать завоеванием революции. Теперь на любые попытки Маши завязать с ним острый, но бессодержательный разговор, он начинал скандировать «Нет провокациям!», сохраняя, таким образом, приподнятое расположение духа. Он видел, что с ней что-то происходит, видел, что дело не только в его политических взглядах, но объективных причин ее повышенной нервозности он обнаружить не сумел. «Может быть, море подскажет», - подумал Вася, как всегда надеясь на свой личный источник бесперебойного питания. Суматошные, наполненные событиями последние две недели заметно утомили его, хотелось хоть на секунду отвлечься и подумать о себе, а не всей стране в целом.

Приобрести билеты на один поезд с Костей, к сожалению, не удалось. Оранжевые страсти улеглись, и, хотя на площади все еще оставались самые отъявленные борцы, дело было решенное. Третий тур расставил все по своим местам, Майдан серьезно поредел, политические страсти были естественным образом вытеснены предновогодней суетой, подарками и поздравительными открытками.

Встреча с Костиком и его друзьями была назначена в Симферополе, разница между их поездами составляла всего 20 минут, чего вполне хватало на чашку утреннего кофе с сигаретой. Но вот чем занять время в медленно ползущем южном поезде, Вася себе совершенно не представлял. Купив в ближайшем ларьке бутылку коньяка, он вошел в

купе, надеясь на благосклонность случайных попутчиков. Увы, в купе оказались лишь два надутых пожилых джентльмена и юркая седовласая старушка, явно к коньяку равнодушная. Василий разочаровано устроился на сиденье, читая заголовки газет, которыми тут же обложились его неразговорчивые соседи. Но еще до отхода поезда старушенция вдруг стала фыркать и брыкаться, как застоявшаяся лошадь, с треском переворачивая тонкие страницы.

- Интересно, сколько же они им платят на этом Майдане?!

Василий решил не прерывать ее монолог, намереваясь воздержаться от начинающих уже надоедать разговоров о политике, по крайней мере, до конца нынешнего года. Однако неугомонная седовласая дама не отступала, добравшись уже до «наколотых» апельсинов и американских валенок. Вася мысленно представил себе огромное синее море, вздохнул и произнес как можно увереннее:

- Вот это вы верно сказали. Мне, например, заплатили сто долларов и подарили килограмм апельсинов.
- Во! – довольно воскликнула старушка, - я же говорила!
- А одному моему другу, - продолжал Вася, - американские друзья прислали валенок с автографом самого Буша, представляете? Прямо так и написано было: Андриюше от Буша.

Один из мужчин засмеялся и вышел из купе. Сейчас же второй, пошарив в карманах потертого темного пальто, спросил спички и отправился за ним следом. Лицо седой обличительницы вытянулось, казалось, долю секунды она балансировала между приятным сном и холодной реальностью. Наконец, обиженно скривив губы и пригладив волосы, она прозрела:

- Издеваетесь, да?
- Немного, - признался Вася. – Но знаете, вы уже и так довели ситуацию до абсурда, так что еще немного фантазии не помешает.
- А что, вам не платили?!
- Может, кому и платили, не знаю. Мне вот, к сожалению, ничего не досталось. А где вы это вычитали?
- Да это же все знают!
- А эти ваши «все», не знают, случайно, кто финансирует Януковича?
- Что вы имеете против Януковича? – встрепенулась старушка.
- Ну, вот скажите мне, пожалуйста. Вы старый человек, прожили жизнь. Почему он вам так нравится?
- Он пенсии поднял.
- Знаю, поднял. Даже могу сказать как. Новенькими, пахнувшими краской двадцатками, правда?
- Да какая разница?

Следующие пятнадцать минут Василий посвятил проблеме девальвации, налогообложения, теневого оборота с кратким экскурсом в историю экономики. И хотя многое из сказанного им было придумано сейчас же, седая старушка успокоилась, и посматривала на собеседника более благосклонно.

- Но и это не главное, - говорил Вася. – Лично меня привлекают перемены. То, что мы получим с вами при Януковиче, давно известно: коррупция, криминал, медленное, но стабильное обнищание. Что мы получим при оранжевых, пока неизвестно. Но я бы предпочел рискнуть.
- А многие не хотят рисковать, - ответила старушка и, махнув рукой, стала штурмовать вторую полку.

Василий несколько секунд наблюдал за ее стараниями, затем встал, вытащил из сумки бутылку и предложил седовласой леди занять его место.

- Устраивайтесь, а на второй этаж полезу я.
- Спасибо, - поблагодарила старушка. – Сейчас вы заработали еще одно очко в пользу вашего любимого кандидата.
- Да ладно вам, - улыбнулся Вася, - давайте просто будем людьми, а не политическими волонтерами.

Он протиснулся в двери и побрел в тамбур. Следовало отметить свою победу над носителем враждебной идеологии, но Василий чувствовал потребность в простом человеческом общении, а не в битве за мертвые головы. Перед самым тамбуром, прямо посередине прохода, расположился лохматый парень, почесывающий редкую испанскую бородку и без интереса выслушивающий болтовню привлекательной девицы напротив. В облике молодого человека сквозило что-то очень знакомое и родное, поэтому, когда пара вновь появилась на импровизированной курилке, Вася решил познакомиться.

- Ты уж прости, что я так бесцеремонно, - начал он. – У меня тут коньяка бутылка, да еще косяк где-то завалился...

- Ну, круто! А у меня две бутылки пива и половина фена.

Звали молодого человека Колей, на жизнь он зарабатывал за стойкой одного из ялтинских баров, куда и направлялся провести новогоднюю ночь. Через пять минут, уединившись в раскачивающемся клозете, они уже дружно собирали размолотый порошок с поверхности компакт-диска популярного зарубежного исполнителя.

- А это кто с тобой? Жена? – спросил Вася, шмыгая и рассматривая в зеркале своего нового знакомого.
- Да нет, не жена. Точнее жена, но не моя. Короче, брата эта красавица. Я ее уже слушать не могу, села на уши и не слазит.
- Давай ее коньяком накачаем, она и отвалится, - предложил Василий.
- Не-е-е, лучше не надо, - протянул Коля. – Она знаешь, сколько пьет? Ты не смотри, что она маленькая, мы с ней вдвоем не справимся.

В последствии Василий убедился в справедливости его слов. Девушку звали Ира, и не смотря на свой юный возраст и отнюдь не богатырское телосложение, алкоголя она не боялась. На каждой остановке они, как партизаны, пробирались под поездами и стремились к привокзальному буфету, ларьку или магазину. Когда закончился коньяк, в дело пошло пиво, на подъезде к Николаеву удалось раздобыть вина, а утро было встречено бутылкой красного шампанского, неизвестно каким образом оказавшегося в буфете города Красноперекоск.

А потом было море. Дремлющее зимнее море, бросающее в лицо миллионы холодных капель, приветствующее свежим, солоноватым ветром, переливающееся как ртуть и пенящееся как молодое вино. Оно захватывало и одурманивало. Вася тут же закатал штаны и полез в воду, хотя температура к купанию совсем не располагала. Но он стремился почувствовать его дыхание в набегающих на берег волнах, в приливах и отливах, в размытой линии горизонта и в отполированной до блеска гальке, по которой он ступал босыми ногами. И когда он, наконец, насытился им, море подарило ему покой. Он еще долго-долго сидел на берегу, где у цепляющегося за скалы Гурзуфа, неутомимые волны, как и тысячи лет назад, шлифуют прибрежные камни.

Костя дремал, прислонившись плечом к ободранной стенке плацкарты, где никогда не выветривается запах сваренных вкрутую яиц и человеческого пота. Новогодние праздники, как обычно, отнимали все душевные силы, похмельный вагон качался в сладкой полудреме, и даже навязчивые крики бабушек на полустанках не вызывали у людей никакого интереса. Вася расположился напротив, и, качая ногой в такт звенящему на стыках вагону, донимал двух девушек из Белоруссии просьбами поговорить немного на своем языке. Девушки отшучивались, конфузливо хихикали, но декларацию басни или хоть какого-нибудь захудалого стишка вырвать у них не удавалось.

Остались позади зимняя Ялта и Гурзуф, полуночные пляски на пирсе и шампанское на берегу ревущего как водопад моря. Вася чувствовал себя как реанимированный аккумулятор, который руки неизвестного мастера вновь подключили к точно рассчитанному напряжению. Он знал по опыту, что подобный заряд достается ему не просто так. Значит впереди маячит какая-то энергетическая воронка, куда все накопленные прелести ухнут как в дырявую водосточную трубу. Но пока что он наслаждался покоем, дразнил белорусских девушек и иногда пихал ногой Костика, сползающего по коричневому сидению все ниже и ниже.

На предпоследней станции перед киевским вокзалом Василий вышел из вагона покурить. Он шурился на яркое не по-зимнему солнце, ловил его отблески на сверкающих алмазных рельсах и вспоминал море, по которому уже начинал скучать. Неожиданно запиликал мобильник. К своему немалому удивлению Вася увидел на экране номер Маши.

- Ты когда приедешь?
- И тебя, Маша, с прошедшим. Приеду скоро, где-то через час с небольшим.
- Ну, ясно, давай пока.
- Пока..., - сказал он в уже погасшую трубку.

Мягко щелкнул замок, Вася сбросил с плеча сумку и, приседая от нетерпения, побежал в уборную. Но на полпути его стремительный бег был прерван, в дверях появилась смущенная Машина подруга, по имени то ли Лена, то ли Валя. Точнее Вася не мог припомнить, хотя они и встречались несколько раз.

- Здравьете. А ты что тут делаешь? – не совсем вежливо поинтересовался он.
- Да я это... У меня бабушка приехала, так пока тебя не было, я у вас пожила, - ответила девушка, наматывая на палец свои замечательные кудрявые волосы. – Можно?
- Что можно? – не понял Вася.
- Ну, можно я у вас еще немного поживу?
- Живи, - передернул плечами Василий, не зная, что еще можно сказать в подобной ситуации. - А где, собственно, Маша?
- На работе.
- А-а. Ну, пойдём, чаем тебя напою. Я настойку привез из Крыма. Не Швейцария, конечно, но тоже ничего. С чаем очень рекомендую.

Размышляя, как бы осторожно прояснить ее имя, Василий повел гостью на кухню. Но, как оказалась, девушка в доме вполне ориентируется и способна напоить чаем самого Васю. Тем не менее, такта ей было не занимать, поэтому роль хлебосольного хозяина все же осталась за ним. Девушка оказалась приятной и общительной, тут же поведала о своих прошлых поездках по Крыму и восторги Васи полностью разделяла.

- У тебя глаза светятся, - сказала она.
- В каком смысле?

- Ну, так бывает, когда люди возвращаются с гор или с моря. Из отпуска или путешествия.

- Тогда понятно. Я море люблю, поэтому и глаза светятся, наверное...

Послышался звук открываемой двери, и на пороге появилась Маша. Вася с удивлением отметил, что за время его отсутствия она успела перекрасить цвет волос, сменить косметику и постареть на несколько лет. Черные глаза смотрели спокойно и равнодушно, светлые волосы были коротко пострижены, и даже походка, казалось, полностью изменилась. Гадая, что бы это значило, Василий спросил:

- Как прошел клубный вечер? Понравилось?

- Да не ходила я туда.

- Почему?

- Потому. Отметили с друзьями в узком кругу, короче, все как обычно. А ты?

- В первый раз наблюдал зимнее море. Мне понравилось.

- Слушайте, - вмешалась вдруг Лена. – Деньги есть у кого? Давайте вина возьмем, отметим второй день Нового года, а?

- У меня нет, - признался Вася. – Все пропили, да еще и ребятам пришлось одолжить, им на билеты не хватало.

- Возьми у меня в сумочке, - сказала Маша, но тут же осеклась. – Нет, подожди, я сама.

Девушки проявили инициативу и отправились за вином сами, пока Вася ломал голову над странным поведением Маши. Он отчетливо почувствовал, что она чего-то испугалась. Чего-то, о чем ему не нужно знать. И это что-то лежит там, куда ему смотреть не следует.

После минутной борьбы с совестью Вася направился в прихожую, где сразу же обнаружил маленькую, ядовитого зеленого цвета сумочку. Внутри оказалась обычная дребедень и два листа бумаги, похоже, вырванные из школьной тетради. Уже догадываясь, что он там увидит, Василий развернул первый и углубился в чтение. Гадалка, цыгане, песни, пляски, что за чушь – причем здесь медведи? Стоп. Сначала. Бедная девушка, приходит к гадалке, ой мне плохо, скажи-ка мне родная, ну *как из такой животной страсти, могло возникнуть такое светлое, высокое чувство?* Заставив себя дочитать до конца, Василий взвыл, увидев последние строки. Как следовало из постскриптума, произведение было навеяно творчеством Ремарка и цыганской народной музыкой.

- Господи, - простонал задетый за живое Вася, - Ремарк-то здесь при чем?

Следующий лист оказался всего лишь ответом объекта животной страсти, причем в стихотворной форме. Пробежав глазами короткую поэму, Василий с удивлением узнал, что Маша уже замужем, причем страстно живой объект об этом даже не догадывался. В данном случае, Василий был готов разделить его удивление.

Положив листочки на место, Вася присел, прижавшись спиной к холодному дерматину двери. Ощущение было такое, будто после шести месяцев обучения на курсах бульдозеристов он вдруг проснулся в низко летящем спортивном болиде. Вроде бы тоже машина, и педали вроде есть, но вот что с этим делать – не понятно. Не к тому готовились, не тому обучались, и вот теперь все зависит от секундной реакции, как себя повести, как выровнять машину, не врезаться в ограждение, сохранить жизнь и благополучно закончить гонку.

Вася вздохнул, поднялся и вышел на балкон глотнуть воздуха. Тут же он увидел, как возвращаются девушки, причем Маша увлеченно болтает по телефону, а Лена терпеливо ожидает ее в парадном. Наблюдая за ними с высоты девятого этажа, Василий испытывал странное чувство отрешенности и апатии, как будто все это

происходило не ним, а с героями бесконечно длинного и скучного телесериала. Однако пора было брать управление на себя, потому как и дальше делать вид, будто бульдозер способен участвовать в кольцевых гонках, становилось опасно для жизни.

Дождавшись звонка, он открыл дверь и посмотрел ей прямо в глаза. Он попытался увидеть там ответ на мучивший его вопрос, и в тоже время вложить туда все то, что он сейчас чувствовал.

- Что случилось? – отступила от двери судорожно улыбающаяся Маша.

- Ничего, - как можно более спокойно ответил Вася и отошел от двери.

На короткий период осознание собственного превосходства его позабавило. Наверное, так же чувствует себя разведчик, который уже раскрыл все секреты изобретательного шпиона, но дает тому возможность еще на несколько минут продолжить комедию.

Следом вошла настороженная Лена, из чего Василий сделал вывод, что та более чувствительна к тонким ментальным полям. Маша что-то болтала, но он уже не слушал ее, наблюдая лишь за ее лицом. Открыв вино, он разлил его по бокалам и первым поднял свой граненный стеклянный кубок.

- За что пьем? – поинтересовалась улыбающаяся Маша.

- Я хочу выпить за животную страсть, которая иногда превращается в светлое, высокое чувство, - торжественно произнес Вася. - Мне это нравится.

Наблюдать за тем, как менялось ее лицо, было наслаждением. Василий залпом осушил свой стакан, сунул в карман желтую коробку папирос «Ялта» и вышел из квартиры вон.

Только не в этот раз. Только не в этот раз.

Можно снова поступить разумно: начать все заново; найти подходящее жилье; устроиться на еще одну работу; перетерпеть несколько долгих месяцев одиночества; собрать свои вещи и перевезти вещи к другу, которого ты уже достал своими переездами. Все это можно. Но, глядя на промерзшую пластиковую ленточку, цвета переспелого апельсина, Василий понял, что единственно возможная свобода – это свобода самостоятельно принимать решения. Не считаясь с зажавшимися благодетелями, которые на твоём каторжном труде зарабатывают миллионы. Не считаясь с нахальной девкой, которая желает, имея любовника, получить в придачу еще и гарантии стабильности. Не считаясь с кровопийцами-арендодателями, которые давно уже потеряли всякую совесть, взвинчивая до небес плату за твою убогую конуру. И даже не обращая внимания на проституток-политиков, которым кажется будто они правят миром, напялив на опухшие от вранья лица маски веселых клоунов. Василий мерз под снегом, но не уходил, ощупывая пальцами несгибаемую пластиковую ленту. Каждый из участников этой древней и запутанной игры преследует свои цели, ради которых готов наобещать ближнему своему все что угодно. Работодатель посулит много денег, но только при условии бесперебойного ударного труда. Девушка пообещает вечную любовь, но только в том случае, если любимому удастся стабильно договариваться с работодателем. Политик же предлагает себя в качестве проводника на пути к неизменно светлому будущему, но, только при обязательном соблюдении первых двух условий. Без любви и денег ячейка общества превращается в неприятный нарыв на его теле, который никого не интересует, потому как платить ему нечем. Но в эту игру можно играть и вдвоем.

Вася сбил с шапки снег, закурил сигарету, зашипевшую на ветру как бикфордов шнур, и медленно двинулся вдоль длинной, разбавленной пятнами бледных фонарей улицы.

Лиза сняла трубку только с шестого гудка. До этого Вася долго пялился на свое отражение в оконном стекле, за которым, как гнилой зуб, торчала громада уродливого панельного дома с белыми, растрескавшимися стенами.

- Да?
  - Привет, Лиза. Вот хочу совета твоего спросить.
  - Валяй.
  - У меня здесь проблема возникла. Личного свойства. Так я вот решаю, как поступить: выбросить Машины вещи с балкона и сменить замок, или уйти самому?
- В трубке что-то квакнуло, затем наступила гробовая тишина. Василий терпеливо ждал.

- Что случилось-то? – наконец отозвалась Лиза.
- Да неважно, не в этом же дело.
- Ну, знаешь, - помялась Лиза, - когда мой друг меня спрашивает, не выбросить ли ему с балкона вещи моей лучшей подруги, я теряюсь. Я вас обоих люблю.
- Ясно. Ты прости за эти глупые вопросы. У меня период сложный, вот я и болтаю всякую чушь.
- Опять формулы выводешь?
- Да, примерно, - ответил Вася, водя пальцем по запотевшему оконному стеклу.
- И чего новенького вывел? – поинтересовалась Лиза.
- Понял одну простую вещь, - решил поделиться Вася. - Никогда не делай того, что тебе не нравится, чтобы тебе за это не предлагали. Даже деньги. И особенно деньги.
- Почему?
- Да потому что в итоге ты не получишь ни удовольствия, ни денег.
- Ну, ясно. Философ. Ты бы лучше с Машей разобрался, а не теории разрабатывал, - пожурела его Лиза.
- Она сама с собой разберется, - помедлив, ответил Вася. – Знаешь, я бы уехал куда-нибудь.
- Да знаю я. Ты все время куда-то собираешься. То в Бразилию, то в Австралию.
- Нет, Лиза. Кажется, на сей раз это серьезно.

Лиза подышала в трубку и осторожно спросила:

- И куда, если не секрет?
- А не знаю, куда занесет.
- Да, это уже что-то новенькое, - проворчала Лиза. - Встретиться не хочешь?
- Хочу.

Положив трубку, Василий окинул взглядом желтые, местами отстающие обои, на которых были густо наклеены накладные и товарные чеки, собранные за весь последний год. Кухня уже давно использовалась им в качестве импровизированного офиса, по причине острого недостатка свободной площади.

Теперь, глядя на гирлянды увядших деловых будней, он испытывал лишь искренне недоумение, почему же не сделал этого раньше. В голове вдруг наступила кристальная ясность, как всегда, в минуты опасности или после принятия важного решения. Выбрав из всех доступных вариантов самый неправильный, он мгновенно успокоился и впервые за несколько лет почувствовал себя умиротворенным. Когда больше нечего терять, вдруг становится легко и свободно, любое событие становится правильным и приносит только искреннюю радость. На мгновение ему показалось, что он набрел на свежую просеку, выйдя из темного и густого леса, где не работает ни один прибор, а из всех птиц только пересмешник кричит дурным, надрывающимся голосом. Просека широкая и удобная, по ней даже проходит удобная тропинка, главное - идти только вперед, и, как в сказках, не задерживаться, не сворачивать с пути и не оглядываться назад. Тогда все будет хорошо.

Первым делом он отыскал толстый зеленый маркер, и, взобравшись на стол, принялся расписывать желтую стену всеми революционными лозунгами, которые успел выучить за время пребывания на Майдане. Самыми большими буквами он любовно вывел «Свободу не спинити!», после чего отбросил маркер и некоторое время любовался результатом, заметно оживившим маленькую унылую кухню. Затем он не спеша стал копаться в угловом шкафчике, где долго перекидывал с места на место разноцветные папки, рекламные предложения и прочую деловую макулатуру. Наконец выудил оттуда девственно чистый заграничный паспорт, прихватил с собой зубную щетку и, аккуратно закрыв за собой дверь двойным поворотом ключа, вышел на снежную, переливающуюся белыми искрами и совершенно незнакомую улицу.

Эпилог

*Пану комиссару полиции Йиржи Новотному
старшего сержанта патрульной службы Милоша Ржепы*

Рапорт № АЧ 03/01-68

Пан комиссар!

Довожу до Вашего сведения, что во время патрулирования чешско-австрийской границы на подконтрольном комиссариату участке патрульная тройка под моим командованием обнаружила на чешском берегу реки туристический рюкзак, черно-зеленого цвета, объемом 80 литров. При детальном изучении содержимого были обнаружены документы на имя гражданина Украины Василя Шевченко, 1973 года рождения (о чем сделан соответствующий запрос в посольство Украины в ЧР). Рюкзак был обнаружен на глубине около 1 метра. В нижней части ремни перерезаны. Исходя из вероятности несчастного случая при попытке незаконного пересечения границы, считаю целесообразным провести осмотр реки в радиусе 3 километров от места обнаружения.

Ст. сержант погранслужбы ЧР Милош Ржепа

18.01.2005

